

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

И.В. СЛЕДЗЕВСКИЙ

Ментальные образы в международных сопоставлениях и моделировании глобального будущего*

Анализ мирового развития и международных отношений предполагает изучение разнообразных социальных и политических факторов и нередко рассматривается в качестве междисциплинарной области исследований. Однако на протяжении большей части XX в., до окончания "холодной войны", из него практически полностью исключались ментальные аспекты восприятия и упорядочения действительности глобализирующегося мира. В теории международных отношений доминировала идея "государствостранства", согласно которой содержание международных взаимодействий определяется отношениями государств и правительств, а независимость и влияние собственного государства являются главными приоритетами внешней политики. Внешнеполитическое планирование также делало упор на вопросы межгосударственных отношений (управление международными кризисами, сдерживание, миротворческие операции, поддержание международного порядка силами государств) и не интересовалось ментальными (и шире – социокультурными) аспектами международных и глобальных проблем.

В познавательном плане теория международных отношений ориентировалась на классический идеал научного знания, отождествляя понимание мировых ситуаций с рациональными действиями политических акторов и структурно-институциональным воплощением внешней политики. Нормативная составляющая этого идеала сыграла особенно значительную роль в так называемых исследованиях проблем мира (*Peace Research*). В начале 1960-х гг. шведский политолог Ю. Гальтунг сравнивал исследование проблем мира с медициной и призывал исследователей-международников освободиться от "знахарства" в этой области (цит. по [Политическая... 1999, с. 394]).

Ситуация начала быстро изменяться лишь с окончанием "холодной войны". Структурно-институциональная парадигма политики столкнулась с вызовом когнитивного подхода, который уделяет основное внимание образу государства в контексте социально признаваемых идей, знаний, идентичностей (работы А. Вендта, Дж. Одела, К. Йонсона, Э. Хааса, Т. Франка, Дж. Рагги, Дж. Голдстейна и Р. Кеохейна [Wendt,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта "Идеи и идеалы российской цивилизации как фактор создания образа России" (грант № 06-01-02085а).

Следзевский Игорь Васильевич – доктор исторических наук, директор Центра цивилизационных региональных исследований Института Африки РАН.

2000; Odell, 1982; Jönsson, 1993; Haas, 1990; Goldstein, Keohanne, 1993)]¹. При этом обнаруживается важная, а зачастую и решающая роль, которую играют ментальные факторы в выработке и оправдании уже принятых решений, в обеспечении доверия к курсу внутренней и внешней политики. Выясняется, что политические мнения, которые обычно используются для обоснования того или иного курса, на самом деле выступают средством рационального объяснения той или иной установки, схемы, позиции, уже подсознательно сформированной и закрепленной в ментальности политиков или чиновников в целостных образах себя как субъектов принятия решений и столь же целостных образах внешней среды.

При видимой субъективности подобные позиции складываются отнюдь не произвольно или случайно, а на основе целого ряда мыслительных предпосылок, образующих в своей совокупности *ментальную структуру* того или иного вывода, решения, идеи. Необходимыми составляющими в этой структуре выступают устойчивые интуитивные образы реальной или воображаемой действительности, с которыми отождествляет себя человек (*идентификационная* составляющая). Жесткая упорядоченность этих образов может сниматься установкой на взаимодействие с Другим (*коммуникативная* составляющая)².

В сфере внешнеполитического планирования и принятия решений значимую роль играют также *когнитивные схемы* (когнитивные или символические карты), придающие идентификационной и коммуникативной составляющим четкую пространственную упорядоченность, согласующие структурирование мира с той или иной моделью внешней политики. Тесная взаимосвязь когнитивных карт с установившимися моделями внешней политики и внешнеполитического моделирования обстоятельно раскрыта в известной работе С. Хантингтона "Столкновение цивилизаций". По его словам, «для вдумчивого анализа ситуации в мире и эффективного воздействия на нее необходима какая-то упрощенная карта реальности, какая-то теория, модель, парадигма. Без таких умозрительных построений останется... лишь "пестрое шумное смятение"... Мировоззрения и причинные теории являются неотъемлемыми ориентирами международной политики» [Хантингтон, 2003, с. 27–28].

Однако структурирующие мир когнитивные "карты" невозможны без наличия достаточно устойчивых, основанных на данных непосредственной перцепции *ментальных образов* "международного ландшафта". По сравнению с когнитивными схемами такие образы носят в большей степени интуитивный, чувственный, часто визуальный характер и нуждаются в языковом обозначении (лингвистическом кодировании) лишь при включении их в собственно когнитивные структуры.

Ментальные образы сыграли большую роль в репрезентации и интерпретации соперничества супердержав – СССР и США – времен "холодной войны". Собственно, ментальный образ "холодной войны", как и сопутствующие и усиливающие его образы "железного занавеса", "свободного мира", "социалистического лагеря", в значительной степени определили геополитическую картографию того времени. Благодаря этим образам, методы политической картографии легко трансформировались на Западе в объяснение и оправдание внешнеполитической стратегии сдерживания Советского Союза, а в СССР – в противоположную стратегию "защиты завоеваний мирового социализма".

В условиях глобализации значение ментальных образов и создания на их основе упрощенных парадигм и когнитивных "карт" международной политики усиливается. Естественной средой для этого становятся, с одной стороны, развитие системы международных сопоставлений и ее образной, информационно-виртуальной составляющей,

¹ В российской науке когнитивный подход к условиям и факторам международных отношений развивается в [Егорова-Гантман, Плешаков, 1988; Киселев, 2002; Киселев, 2003].

² Ментальные основания исторических идей (цивилизационных представлений) выделяет и подробно характеризует И. Ионов [Ионов, 2007, с. 79–121].

и с другой – быстрое нарастание глобальной неопределенности в мире, попытки приспособить стратегическое мышление и планирование в сфере внешней политики к модели вероятностных, неконтролируемых мировых изменений.

Ментальные образы в системе международных сопоставлений

Неотъемлемой чертой мировых трансформаций в XX в., оказавших огромное влияние на формирование внешней политики и стратегических приоритетов крупнейших государств, стало постоянное сравнение национальных образов, идей, моделей и проектов развития, производимое как на межгосударственном уровне (международное сопоставление), так и на уровне массового сознания и массовой культуры. Сопоставление национальных образов в этой системе резко усилило заключенные в них культурные модальности, например восприятие образа через призму должного, обязательного, превосходного (предполагающего заимствование, подражание) или плохого, ужасного, подлежащего преследованию и уничтожению. Достаточно вспомнить, как воспринимались идеи и модели германского "военного социализма" (в период Первой мировой войны), нацистского расового порядка, "русского коммунизма" и планового развития экономики и общества в СССР до Второй мировой войны, стратегия "нового курса" в США при президенте Ф.Д. Рузвельте, положившего начало западной модели "государства благоденствия", шведская модель социализма.

Становясь частью международной системы образных сопоставлений, все эти модели, стратегии, проекты в условиях господства классического идеала знания и эссенциализма порождали сильнейший эффект культурной репрезентации, международного информационного резонанса, реификации идей, наделения их качествами *самой социальной реальности*. Идеи сопоставляли так же, как сравнивают наличную действительность. Более того, именно идеи (сущности, идеалы) задавали схемы и масштабы восприятия реальности. В сопоставлении с ними оценивали (сознательно и подсознательно) преимущества, недостатки, провалы, перспективы развития своих и других стран.

Возник столь характерный для XX в. процесс превращения национальных образов и проектов развития в образцы (или антиобразцы) мирового развития, "переделки социальной реальности". Значение ментальных образов при этом поднималось до уровня виртуальных образцов и проектов "возможных миров", строящихся при помощи воображения и воплощающих представления об альтернативном будущем. Как и человеческие (индивидуальные) "возможные миры", мировые проекты XX в. снимали – реформаторски или революционно – грань между чисто виртуальной реальностью, мечтой, надеждой на счастливое будущее и наличной социальной действительностью. Создавалось впечатление (и в этом заключалось их колоссальное ментальное, а не просто идеологическое воздействие), что при одном или нескольких поворотах событий в нужном и понятном направлении удастся сделать все, что угодно, – изменить ход истории, совершить героический рывок в будущее, переделать человека, преобразовать природу, сделать былью социальную или политическую утопию.

Мировые проекты переделки общества и государства опирались на совершенно разные когнитивные схемы и онтологии устройства мира (от мистического "чувства расы" в нацистской идеологии до тотальной классовой детерминированности социальной реальностью в советском проекте или абсолютизации прав человека в проекте государства всеобщего благоденствия). Однако общей чертой всех этих проектов было органическое сочетание идентификационной и коммуникативной составляющих идей.

Как подлинная и часто жизненная реальность интерпретировались содержащиеся в этих идеях образы самоидентификации и модели речевой деятельности ("языковых игр"). На их основе можно было отдавать приказы, обещать народу "новую жизнь", взывать к "товарищам по расе или классу", вести регулярные беседы по радио или потрясать общество громоподобными новостями. Постоянное сопоставление и соположение моделей развития на разных уровнях сознания (в том числе и на ментальном уровне) обеспечивали и обеспечивают легкость заимствования опыта других стран, и в этой связи – возможность широкого экспериментирования с социальной реальностью.

Отмечая особую роль системы международных сопоставлений в активизации и трансляции ментальных образов, хочу подчеркнуть, что в XX в. (прежде всего в международной сфере) был достигнут очень высокий уровень *виртуализации социально-го*. Из чисто психологической реальности, способа индивидуации человеческой личности и человеческой жизни, заново возникающей в определенный момент жизни [Носов, 2000, с. 33–36, 70–110], виртуальность превратилась в составную и очень важную часть *информационно-коммуникативной реальности*.

При современном уровне развития информационно-коммуникативных взаимодействий и их влияния на массовую, а теперь и глобальную аудиторию, виртуальность и лежащие в ее основе ментальные образы еще теснее и органичнее соединяются с социальной и транскультурной средой мировой политики. Ментальные образы не просто материализуются в разнообразных социальных реалиях, но более широко (по существу, глобально) включаются в процессы самоидентификации и когнитивного структурирования мира, определения общественных целей и принятия стратегических решений и в результате получают возможность "достраивать" социальную реальность до уровня возможных (альтернативных) миров. Реальные социальные и международные отношения приобретают символическую форму таких миров (аналогий между свойствами действительности и текстов, в том числе универалистских миров-текстов), имитируют виртуальные образы и модели поведения и в конце концов изменяются под влиянием этих образов и моделей.

Мир, который мыслится, воспринимается, транслируется виртуально, то есть в качестве виртуальной реальности, не может быть *предданностью*, тем, что имеет твердый, непоколебимый статус бытия. Виртуальный мир неизбежно приобретает статус конструкта, проектировочной реальности, которая воссоздает в мысли, идее и ее ментальных составляющих образ живого, функционирующего объекта. Это значит, что мир утрачивает какой-либо абсолютный онтологический источник, единое основание, общую причину, консолидирующий центр.

Система международных сопоставлений начинает также учитывать и целенаправленно формировать социальную перцепцию объектов и рефлексии подобных соотношений – то есть восприятие, понимание и оценку международных имиджей отдельных государств. Особо важная роль в формировании международных имиджей теперь принадлежит мировым мониторингам социальных и политических изменений. На основе агрегирования больших объемов, разнородной информации проводится классификация стран по специальным характеристикам – индикаторам. Таким образом, формируются глобальные структуры социальной перцепции, предлагающие готовые модели восприятия национальных имиджей.

На чем бы ни основывалось представление о качестве и степени объективности данных мировых мониторингов и какие бы доводы ни приводились в пользу необходимости их использования в глобальной политике, ясно, что их появление связано с формированием определенного образа объекта – страны, региона, и с более или менее очевидным *перцептивным актом* его выделения из ряда других аналогичных объектов. Сами эксперты, конструирующие и использующие данные мониторингов, конечно, сосредоточиваются не на возникающих в их сознании образах, а на их смысловых и оценочных интерпретациях. Однако естественной предпосылкой, фоном и одновременно результатом этих интерпретаций все равно выступает более или менее целостный ментальный образ страны, режима, политического и общественного устройства³.

³ Роль ментального содержания образов возрастает в тех случаях, когда показатели той или иной страны способствуют не столько углублению и диверсификации знаний о ней, сколько откровенной стигматизации ее имиджа – в понятиях успешности/неуспешности, состоятельности/несостоятельности страны как социального актора. Примером подобных характеристик-стигматизаций могут служить хорошо известные индексы "несостоятельности государств" (*Failed State Index*), "восприятия коррупции" (*Corruption Perception Index*), "свободы в мире" (*Freedom in the World Index*) и т.п.

Помимо характерной для восприятия социальных объектов большей слитности познавательных компонентов с чисто эмоциональными (аффективными), фоновое значение этих образов усиливается под влиянием так называемого "группового контекста", то есть отнесения характеристик объекта к признакам "чужой" или "своей" группы.

Надо иметь также в виду, что составной и важнейшей частью техники ранжирования стран являются установление возможных корреляционных связей между конкретными значениями отдельных индексов, а также группировка стран по соответствующим значениям ряда индикаторов. В этом случае не просто сказывается фоновое влияние ментальных образов сравниваемых объектов, но вполне целенаправленно формируются виртуальные образы-конструкты различных стран, которые получают значение *международных имиджей-паттернов*, имеющих сегодня не меньшее значение в международных отношениях, чем силовая политика [Киселев, 2003, с. 12]. Особую и во многом автономную роль в построении подобных образов начинают играть международные институты, разнообразие неправительственных организаций и экспертные сообщества.

Присвоение той или иной стране определенного индекса (репрезентирующего ее имидж) имеет большое значение для обеспечения надежности коммуникаций и самоидентификации институтов. Об этом пишет один из ведущих теоретиков современных международных отношений Р. Кеохейн: "...государство, оставаясь наиболее важным типом актора в мировой политике, уже не играет столь доминирующую роль, как это было в прошлом: возросло значение транснациональных отношений в противовес межгосударственным. Транснациональные формы коммуникации – от вещания на коротких волнах и спутников связи до Интернета – ослабили контроль государства над информационным пространством... Исключительное понимание суверенитета как контроля над населением на четко обозначенной территории поставлено под сомнение возможностями оказывать воздействие на государство извне для решения широкого круга проблем – от прав человека до охраны окружающей среды" [Кеохейн, 1999, с. 442].

Резкое увеличение числа и усиление влияния международных институтов в конце XX–начале XXI в. до определенной степени компенсируют ослабление роли государств как основных акторов международных отношений. Но при этом, как пишет Кеохейн, возрастает значение таких факторов, как зависимость поведения международных институтов от доступа к информации и обусловленность стратегических оценок *взаимными ожиданиями* [Кеохейн, 1999, с. 444–445]. Но это означает, что ментальные образы как инструменты современной международной политики становятся все более важными.

В современном мировом информационном обороте функционирует огромное число всевозможных рейтингов и классификаций. Однако в качестве широко известных и постоянно используемых утвердилось лишь те из них, которые соответствуют уже сложившейся, господствующей системе международных имиджей. Эта система придает им необходимую политическую и идеологическую направленность, позволяя *приписывать* государствам или группам государств определенную роль в системе международных отношений. Научная и даже информационная основательность (не говоря уже об объективности) этих имиджей условна – расчет по отдельным и комплексным показателям ведется часто на основе данных, получаемых из сомнительных, политизированных и несамостоятельных источников. Тем не менее, попадая в поле современной социальной виртуальности, утвержденные в мировом общественном мнении и растиражированные глобальными СМИ международные имиджи становятся ключевым элементом идентификации государств и проводимой ими политики, а также важным фактором международных политических коммуникаций.

Международные отношения и образы мира

Самостоятельное значение международных имиджей в современной мировой политике нередко дает повод рассматривать их исключительно в качестве способа полити-

ческой пропаганды (внешней и внутренней). Имидж связывается прежде всего с определенным набором *действий коммуникатора*, включая целенаправленное распространение информации при игнорировании информационных потребностей и образа мыслей реципиента, то есть при отрицании точки зрения оппонента.

В действительности самостоятельное значение международных имиджей и, соответственно, имиджевой политики в современном виртуальном пространстве сопряжено с *восполнением* зрителем или читателем *целостного ментального образа* мира, который задается сообщением. Исходным ключевым моментом этого процесса является не содержание сообщений, а способ их передачи – преимущественно электронный. Электронные средства передачи информации (телевидение, Интернет, мобильная связь) восполняют частичный, расплывчатый, часто смутный образ мира за счет появления его информационного аналога, виртуальной копии – *отчетливого и законченного перцептивного образа*.

Со времени широкого признания в 1960–1970-е гг. идей канадского философа, социолога и культуролога Г. Маклуэна о формировании на основе электронных СМИ особой "медийной реальности", в научной литературе стал расхожим вывод об активном влиянии электронных картинок на пространственно-временную организацию человеческого восприятия. При этом упор делается на мозаичность телевизионных образов как средства коммуникации: крупный план в качестве нормы телевизионного изображения, приоритет быстротекущего сюжетного действия, соединение всех интересных зрителю событий в мире вместе [Терин, 1998, с. 118–121]. Подчеркивается, что сознание человека *должно* соотносить между собой *все* элементы телевизионной мозаики через их взаимодействие, калейдоскоп взаимосвязей.

На самом деле человеческое сознание не ориентируется и не может ориентироваться на соотнесение и усвоение *всей* информации, предоставляемой электронными СМИ. Ключевое значение при этом имеет коренящаяся в психической структуре сознания избирательность в восприятии и интерпретации получаемой информации. Человек лучше и активнее относится к той информации, которая подтверждает или выражает в более систематизированном виде уже имеющиеся у него представления о внешнем окружении. В коммуникативных процессах эта особенность восприятия только усиливается. К избирательности, которая вносится в сообщение информатором, добавляется (в порядке усиления или ослабления впечатления от полученной информации) избирательность предпочтений получателей информации.

Обилие и мозаичность электронной информации не только не устраняют избирательность в отборе информации, но выдвигают на первый план способность человека создавать и использовать в повседневной жизни свою собственную информационную среду (термин С. Федулова) [Федулов, 1990, с. 9]. Роль ментальных факторов (образов) в формировании подобной среды заключается в том, что только прошедшие через нее сообщения ("стимулы") приобретают значение перцептивных образов, то есть воспринимаются и наделяются тем или иным значением.

С ростом объема и разнообразия информации индивидуальная информационная среда приобретает специфические защитные функции. И важную или определяющую роль в этом играют, как это было установлено представителями феноменологического направления в географии ("поведенческой географии"), *ментальные образы пространства*.

Один из первых сторонников феноменологического изучения образов пространства Дж. Клаппер еще в начале 1960-х гг. описал несколько способов защиты от неприятных пространственных образов. Он выделил, во-первых, фактор "избирательной открытости", способствующий тому, что человек воспринимает только ту информацию, которая всецело концентрируется на важных для него точках пространства; во-вторых, собственно "избирательное восприятие, которое исключает из образа мира все то, что не соответствует пространственным представлениям человека"; в-третьих, "избирательное запоминание", предполагающее быстрое забывание той информации, которая очевидным образом расходится с этими представлениями (цит. по

[Голд, 1990, с. 82]). "Главное следствие этих выводов, – пишет Дж. Голд, – состоит в том, что средства массовой информации достигнут наибольшего эффекта в распространении пространственных знаний, если они будут стремиться прежде всего развивать, а не опровергать существующие представления" [Голд, 1990, с. 82]. Отсюда также следует, что имидж той или иной страны и государства – не столько продукт открытых и односторонних пропагандистских действий или информационных компаний, сколько результат налаживания постоянных и эффективных *взаимодействий* между информатором и аудиторией.

Результатом "самозащитных" функций индивидуальной информационной среды может быть еще большая фрагментация, специфическая недостроенность образа мира. Последний приобретает более тесную связь с личностным пространством, социальными сетями и местами, к которым человек более всего привязан, с его частной жизнью. Устойчивой, доминантной ментальной составляющей образа мира становится идеал неприкосновенности, безопасности дома, воплощающий представления о *защищенном мире*: "...территории, четко обозначенной и находящейся под защитой закона, площадке, избавленной от рисков, а в особенности – от непредсказуемых рисков... Чужестранцы все время стоят у ворот; и именно приписываемые им злая воля, замыслы по нарушению границ, нападению и вторжению придают осязаемый смысл самим воротам" [Бауман, 2002, с. 115–116].

В то же время сохраняется одна особая, четко выделенная совокупность ментальных образов, применительно к которым индивидуальная информационная среда почти полностью зависит от электронных источников информации, а зритель или слушатель с помощью СМИ без особых трудностей достраивает образ мира. Это образы "удаленных мест", то есть тех стран и регионов, где человек никогда не бывал и которые он представляет в основном благодаря телевизионному экрану. При помощи глобальных информационно-коммуникативных сетей, проникающих сегодня почти в каждый дом, эти образы утрачивают свою прежнюю дистанцированность и зависимость от формальных (политических и образовательных) источников. Они свободно входят в личностное и локальное пространство жизненного мира человека. Входят в детализированном и приближенном к потребностям и желаниям человека виде, в режиме практически мгновенного распространения любой информации.

Но для того чтобы целостный образ мира был выстроен, информация об "удаленных местах" должна стать естественной частью индивидуальной информационной среды, преодолеть ее "защитные барьеры". Это возможно только в том случае, если транслируемая информация оказывается доступной для восприятия массовой аудиторией и одновременно с этим необычной, исключительной с точки зрения привычных ментальных образов. То есть расширяющей сферу взаимосвязанных представлений о мирах – своем и чужом, идеальном и обычном, благополучном и ужасном, пространстве нормы и пространстве исключений.

Нетрудно заметить, в каких масштабах и с какой интенсивностью проникновения в массовое сознание работают на этот результат современные СМИ, а по существу – и вся информационная среда современного общества. Если это информация о естественной природной среде, то, как правило, в виде образов землетрясений, смертоносных ураганов, необычных наводнений, страшных засух или извержений вулканов. Если это сведения о жизни и событиях в далеких странах, то это, в первую очередь, образы странных, экзотических уголков мира, восприятие которых не так уж отличается от донаучных представлений и гравюр в космографиях XVII в. Как пишет Голд: "...даже сегодня, когда на карте земной поверхности уже не осталось белых пятен, в воображении людей все еще существуют экзотические страны. Возникающие время от времени картины земного рая, существующего на островах южных морей, занимают сознание европейцев на протяжении более 150 лет, успешно игнорируя любую критику подобных представлений со стороны географов, впрочем, как и другие, не соответствующие сложившемуся образу факты" [Голд, 1990, с. 164].

Восполнение образа мира в ситуации, когда облик чужой страны, благодаря создаваемому электронными СМИ эффекту "здесь-и-сейчас", вдруг восполняет, выделяет, выводит на поверхность сознания привычные ментальные образы собственной страны, заставляет последние вступить в резонанс с образом Другого, и это оказывает непосредственное влияние на формирование и восприятие международных имиджей. Непроизвольный, ментально обусловленный характер данного процесса колоритно представлен в антиисламском памфлете известной итальянской журналистки О. Фаллачи, передающей свои впечатления о поведении американцев после террористического акта 11 сентября 2001 г.: «Я чувствую униженность, глядя на тех рабочих с флагами, поющих: "Америка, Америка, Америка". Я чувствую униженность, потому, что никогда не видела итальянских рабочих с триколором, поющих: "Италия, Италия, Италия". Никогда. Я видела их с огромным количеством красных знамен. Там были реки, озера, океаны красных знамен, но итальянских флагов не было никогда. Одураченные тупыми вождями, коммунистической партией, служанкой СССР, – итальянские рабочие всегда оставляли трехцветный флаг своим противникам... В результате сегодня трехцветный флаг можно увидеть только на олимпийских играх... или на стадионах во время международных футбольных матчей. Вот единственная возможность услышать "Италия, Италия, Италия"» [Фаллачи, 2004, с. 60–61].

Эффект информационного резонанса, производимого соединением электронных картинок далеких стран с привычными ментальными образами своей страны или местности, оказывает и более широкое, системное влияние на глобальные структуры международных сравнений и сопоставлений. Разумеется, само по себе достраивание образа мира представляет собой индивидуальное психологическое явление. Однако в самих условиях и результатах передачи международной информации возникает нечто такое, что поднимает значение электронных копий (по существу, симуляций) образов мира в общемировом информационном обмене и превращает их в системный фактор международных сравнений и сопоставлений. Это, во-первых, глобальное и, по большей части, неограниченное распространение внутренней и международной информации, накрепко связывающее электронные картинки чужих стран, регионов и культурных миров с перцептивными образами собственного жизненного мира. Во-вторых, фабрикация виртуальных образов мира во всерасширяющихся глобальных масштабах мировыми СМИ, превращение электронной симуляции ментального упорядочения мира в одно из главных направлений развития современной информационной индустрии. В-третьих, превращение электронных образов мира, вмонтированных в разнообразные информационные потоки, в необходимый элемент пространственных ориентаций и социокультурных оценок в транснациональных взаимодействиях, всевозможных глобальных проектах.

Будучи частью глобальной информационно-коммуникационной реальности, процесс восполнения образов мира приобретает важные функции в системе международных сопоставлений. Беспреданно создаваемые и тиражируемые электронные копии образов мира колоссально увеличивают символические ресурсы ментального пространства. Такие ресурсы, содержащие четко артикулированные образы приемлемого/неприемлемого, идеального/привычного, приемлемого/ужасного, повышают роль *идентификационной* составляющей международных сопоставлений. Причем этот процесс идет в самых разных направлениях: от приукрашивания реальной жизни отдельных стран и регионов до создания масштабных интернациональных идентификационных концепций ("свободный мир", "американский мир"), от виртуализации образа Другого до утопических мобилизационных проектов (исламистский проект создания "всемирного халифата").

Электронные образы мира резко расширяют также *коммуникативные* возможности международных сопоставлений. Эти функции реализуются как на уровне индивидуального сознания человека, виртуального расширения его жизненного мира (коммуникация ментальных образов с картинками мира, транслируемыми электронными СМИ), так и на уровне формального и неформального международного общения (от использования электронных картинок мира в контексте обоснования и развития по-

литики мультикультурализма до распространения образов экзотических стран в пространстве мирового туризма).

В сфере планирования собственной международной политики, ее ориентаций, оценок, выстраивания стратегических приоритетов особое значение приобретает *когнитивная* составляющая мировых образов, то есть их рационализация, обобщение, включение в разнообразные теоретические и экспертные схемы международных сравнений и сопоставлений. Когнитивная составляющая превращает противоположные образы мира ("порядок–хаос", "процветание–распад"), бытующие на полубессознательном, слабо отретрафлексированном ментальном уровне, в континуум моделей и соотносимых с ними типов и вариантов мироустройства, а сами образы – в мировоззренческие и культурно-философские направления общественной мысли, научные концепции и модели экспертного знания. Возникает собственно когнитивное пространство международных сопоставлений, в котором ментальные образы соединяются с интерпретацией и концептуализацией *проблем* международных отношений, явными (эксплицитными) моделями мирового порядка и его возможного будущего.

Однако первичным звеном, интуитивной предпосылкой, чувственным двигателем всех этих конструкций и категоризаций остаются восполненные, доведенные до уровня целостности образы мира. В когнитивном пространстве международных сопоставлений они превращаются в систему имиджей-категорий, понятий-символов, концепций-мыслительных карт.

Когнитивные карты мирового развития и глобальное моделирование будущего

Характерной чертой стратегических оценок развития международных отношений является представление о возможности планирования и управления будущим – состоянием этих отношений и всего мирового порядка. Образ будущего выступает в данном случае в качестве познавательной схемы, призванной устранить диссонанс между нашими восприятием реальности и представлениями об идеальном мире, об оптимальных путях мирового развития, которые позволили бы сделать эту реальность более гармоничной и благоприятной с точки зрения интересов данной страны, а в сфере глобальной политики – избежать анархии в международных делах, создать или укрепить *предсказуемую* геоэкономическую структуру мирового порядка и геостратегическую систему международных отношений. Это своего рода карта путешествия во времени, дающая возможность увидеть, где находится наша страна (относительно государств более успешных, преуспевающих или более сильных), куда мы можем и должны двигаться, чтобы занять более прочные позиции в мировом сообществе.

Огромную роль в составлении подобной карты, восприятии ее значений и смыслов как мобилизующей, организующей стратегии (а не просто образа и познавательной схемы) в когнитивном пространстве играют, с одной стороны, социальные и политические *утопии*, создающие оптимистический образ подвластного человеку будущего, а с другой – так называемые *дистопии* – предсказания катастрофических изменений в мире, мировой анархии, упадка цивилизации, деградации или гибели человечества. В результате вполне оправданные прогнозы и реалистические оценки мирового развития оказываются связанными с открытыми или скрытыми иррациональными допущениями, идеологическими предубеждениями, эсхатологическими идеями и настроениями.

Для прогнозов мирового развития и будущего международных отношений в XX в. были характерны резкие переходы от масштабных социально-политических утопий к дистопиям и их неожиданные переплетения. В этом проявились не только особый драматизм и острая конфликтность мирового развития, но и возникновение феномена небывалых технологических новаций, не стесненных прежними рамками мировых коммуникаций и социального бытия. Оптимистические научные утопии "прекрасной эпохи" начала XX в., создавшие образ рационально устроенного, просвещенного и морально преобразованного мира, сменились после потрясений Первой мировой войны и мирового экономического кризиса 1920-х гг. дистопиями, изображением последствий развития науки и техники в отталкивающих, пугающих тонах. Кошмарные опи-

сания неотвратимой гибели человечества под гнетом техники, бесчеловечных социальных предписаний, всеуничтожающих военных конфликтов ввели в рациональную картину планируемого и управляемого будущего эсхатологический образ конца мира.

При этом, как сегодня вполне очевидно, рациональные образы и проекты будущего миропорядка вобрали в себя многое из иррациональной религиозной веры в определенность и предсказуемость основных мировых трансформаций или, по крайней мере, "генеральной линии" мирового экономического и политического развития. XX в. дал множество примеров поразительной веры в способность новых "хороших", "научно обоснованных" идей поделить будущее мира, обеспечить управление обществом на плановой основе, автоматизацию социального прогресса и т.д. Достаточно вспомнить требования энтузиастов социальной инженерии в начале XX в. отдать власть инженерам, а заодно – заменить рыночную конкуренцию как расточительную централизованным планированием; убежденность В. Ленина накануне Октября 1917 г. в возможности сделать управление экономикой после пролетарской революции простой канцелярской рутинной; веру Ф. Тейлора в способность теории управления производством реально повысить эффективность производства путем выработки "правильнейших" приемов работы, введения "наилучших" систем учета и контроля.

В середине XX в. наступило время утопических образов будущего рационально-прогностического типа, представленных концепциями "единого индустриального общества", "технотронного общества", "постиндустриального общества". Этот образ еще более укрепил веру в способность "правильного" научного знания покончить с неопределенностью будущего. Под влиянием надежд на "системный анализ" социально-экономических процессов в 1960-е гг. футурология обрела вес особой научной дисциплины. Она трансформировала идеальный образ управляемого будущего в специализированное прогностическое описание его конкретных форм. Прежнее абстрактно-утопическое *воображение будущего* уступило место *организованным формам изучения* перспектив мирового развития. Появились разнообразные институты, научные центры, всевозможные комиссии и комитеты по изучению и проектированию будущего, превратившие устранение неопределенности, неуправляемости будущего в дело техники и научной методики. Разработка научных и околонаучных прогнозов начала восприниматься как почти состоявшийся факт контроля над "нашим будущим", появились так называемые нормативные (или предписывающие) прогнозы, содержавшие картину *желательного, присваиваемого* будущего.

Однако уже в 1970-е гг. от объективных и рациональных оснований этих установок мало что осталось. Невозможность *предписать* ту или иную направленность общественного развития той или иной стране стала более или менее очевидной, а мирового развития – тем более. Надежды на футурологию сменились снижением веры в "науку о будущем". В этот же период возник новый, более радикальный проект решения проблемы неопределенности мирового будущего "по факту". Радикальность проекта состояла в переходе от концептуальных прогнозов развития общества к *моделированию* развития мира как сложной динамической системы. Основу для этого создало появление принципиально нового инструментария исследований будущего в виде машинного, компьютерного моделирования. В отличие от прежних умозрительных конструктов будущего, не позволявших *просчитать* последствия тех или иных тенденций развития, компьютерное моделирование исключило такого рода неопределенность. Без колебаний и ошибок прослеживаются все последствия заданного набора предположений при огромном количестве переменных.

С этим связана и другая важнейшая особенность глобального моделирования. На место прогноза-предсказания оно ставит компьютерные модели, иллюстрирующие динамические направления развития сложных систем при *альтернативных вариантах* их поведения. Это закрепило за компьютерным моделированием статус *средства проверки* альтернативных футурологических предположений.

Компьютерное моделирование мировых процессов быстро расширило свои познавательные возможности, круг факторов, учитываемых при обсчете. Главную роль в этом процессе сыграло стремление разработчиков "моделей мира" совместить без-

личные машинные программы с человеческими управляющими воздействиями, субъективным индивидуально-личностным выбором альтернативных решений [Лейбин, 1982, с. 130–134]. Первые подобные модели, положившие начало исследовательским проектам Римского клуба (модели "Мир-1" группы Д. Медоуза, "Мир-2" Дж. Форрестера и "Мир-3" М. Месаровича и Э. Пестеля), продолжали основываться на методологии прогнозирования и предсказания. В конструкциях этих моделей, которые принципиально ограничивались естественно-природными характеристиками мира и факторами динамики мирового экономического роста, продолжали доминировать установки их авторов на возможность абсолютно объективного анализа изучения мировых проблем, вне и помимо человека и его воздействий на мировые процессы.

Однако в последующих моделях была сделана достаточно продуманная и целенаправленная попытка ввести в виде "индивидуально-личностных переменных" базовые ценности и цели как отдельного человека, так и целых социальных групп, влияющих на принимаемые решения (управляющие воздействия). Это означало поворот и в методах компьютерного моделирования. В модели мировой системы вошел метод *сценарного анализа*, или сценарный подход, предусматривающий учет *управляющих воздействий* на компьютерную модель. Возникло новое направление компьютерно-модельных разработок – так называемое *имитационное моделирование*, которое соединяет компьютерные подсчеты многочисленных параметров и переменных системы с учетом влияния качества решений. Собственно математический анализ, таким образом, объединяется в одно целое с содержательным, "качественным", гуманитарным анализом⁴. В горизонте "моделей мира" появился фактор человеческого познания, включая – потенциально – и фактор человеческой ментальности.

Схемы и методы компьютерного сценарного анализа уточняются и расширяются. Основное внимание при этом уделяется воспроизведению изучаемых реальных процессов при помощи имитационных моделей. В том случае, если на ход того или иного процесса оказывают влияние решения нескольких лиц, организаций, государств, имитационное моделирование принимает форму *имитационных игр*. Сегодня последние широко применяются в изучении и планировании межгосударственных отношений, решении проблем геополитики, национальной и глобальной безопасности.

Однако горизонт альтернативных решений, который определяет конечные результаты сценарного анализа, до последнего времени оставался неизменным. С момента начала сценарных разработок он продолжает задаваться прежде всего личностными установками, индивидуальным восприятием их авторов.

Во-первых, образующие предмет имитации модельные образы реальности ограничиваются материальными объектами моделируемой среды, тогда как *ментальные образы* этой среды, существующие в сознании экспертов и влияющие на их оценки, практически не принимаются в расчет. Поэтому набор альтернативных решений, предлагаемых в ходе сценарного анализа, ограничивается рамками той картины мира, которая доминирует в данный период времени в экспертном знании, а лежащие в основе этой картины ментальные образы как инструмент моделирования не используются. Во-вторых, недооценка роли ментальных образов затрудняет введение в анализ достаточно простой и ясной схемы (когнитивной системы) понимания мира, что имеет особое значение в моделировании международных отношений. В-третьих, все более важным фактором сценарного анализа мирового развития становятся быстрые и неожиданные изменения в поведении и составе мировых игроков, общей конфигурации международных отношений. Это проблематизирует ментальные основания моделирования развития мировых процессов – основания имплицитные, обусловленные различиями в картинах мира и их соответствием реальности.

⁴ Исследованиями в области имитационного моделирования занимаются с конца 1960-х гг. специалисты из Вычислительного центра им. А. Дородницына РАН. В Центре разработано несколько подобных моделей, первой из которых была модель экономических и военных взаимодействий в системе международных отношений из нескольких государств [Павловский... 2005].

С окончанием "холодной войны" вопрос о скрытых (ментальных) основаниях моделирования мирового будущего приобрел важное практическое значение на уровне теории международных отношений в целом. Прекращение конфронтации между США и СССР, а затем и распад Советского Союза подорвали ключевые направления этой теории, сводившей международные процессы либо к идеологической борьбе между "коммунизмом" и "капитализмом", либо к военно-политическому противостоянию глобальных держав. Как явные (эксплицитные) модели международных отношений оба варианта теории международных отношений утратили контроль над образом будущего, а также и свою прежнюю объясняющую силу.

Правда, и появившиеся концепции однополярности, многополярности, всемирного хаоса не сделали мир более понятным и предсказуемым. Напротив, оказалось, что между специалистами по теории международных отношений нет даже тени согласия в отношении современного содержания ключевых понятий этой теории. Что означает понятие "сила" в условиях глобализации, какова роль в этих условиях государства, насколько реальным, объективным становится понятие "национальная безопасность"? По точному наблюдению О. Арина, проблемой становится то, "как описать этот мир" [Арин, 2002, с. 18].

Возникает и понимание того, что трудности порождает не только отсутствие четкого понятийного определения современной структуры международных отношений. На функционирование теории влияет наличие или отсутствие, допущение или разрушение "мыслительных точек" пересечения разных трактовок, идеальных образов и схем будущего как ориентиров нашего поведения. На важность этих ориентиров, как и на их известную априорность, а часто и непроявленность в сознании эксперта обращает внимание Хантингтон: «...мы можем отрицать необходимость подобных ориентиров и делать вид, что мы действуем в рамках каких-то "объективных факторов", разбираясь каждый раз "по существу". Однако если примем такую позицию, мы будем обманывать себя. Потому что где-то в глубине нашего сознания сидят скрытые допущения, предубеждения и предрассудки, которые определяют *наше восприятие реальности*, и *наше видение фактов* (курсив мой. – И.С.), и наше суждение об их важности и сущности» [Хантингтон, 2003, с. 28–29].

Политолог подчеркивает необходимость для человеческого мышления достаточно упрощенных описаний мира, без чего они не в состоянии служить "отправной точкой для понимания международных дел" – не позволяют систематизировать и обобщать реальность, понимать причинные связи между явлениями, предчувствовать и (если повезет) предсказывать будущие события, отделять важное от неважного, показывать, каким путем надо двигаться, чтобы достичь желаемых целей [Хантингтон, 2003, с. 28–29].

Такое упрощение достигается путем создания наглядных образов мира прежде всего при помощи *визуального кодирования* абстрактных понятий в виде подобия картографических схем. При ближайшем рассмотрении "карты мира", о которых пишет Хантингтон, оказываются скорее познавательными, чем собственно ментальными схемами реальности. Они выполняют роль когнитивных карт, которые фиксируют пространственные отношения между основными субъектами международных отношений, устанавливают фиксированную точку отсчета этих отношений (моноцентризм, полицентризм, пространства мировой политики) или ее отсутствие (в парадигме всемирной анархии), задают соотношение пространственно выраженных реалий и теоретических абстракций (языковых обобщений). Впрочем, можно заметить, что каждая из карт опирается на один или несколько ярких ментальных образов (военная мощь в сочетании с "дипломатией улыбок", богатые и бедные страны, "твердые" государства, повсеместная резня и этнические чистки), которые отличаются друг от друга степенью дробности/целостности.

Сам Хантингтон, впрочем, склонен полностью отождествлять "карты мира" с "парадигмами мировых взаимоотношений", полагая, что фокусирование внимания при помощи этих карт на процессах дробления или интеграции мира отражает лишь "различные пропорции учета реалий и теоретических размышлений"! "У каждой (парадигмы. –

И.С.) есть свои отличительные черты и ограничения", "...от недостатков можно избавиться, комбинируя парадигмы и постулируя, что в мире идут одновременные процессы дробления и интеграции" [Хантингтон, 2003, с. 38–39]. Ведь в то время как парадигмы однополярного и биполярного мира приносят реальность в жертву теоретическим абстракциям, альтернативные модели многополярного мира и мира в состоянии хаоса жертвуют теоретическими построениями ради реализма.

В результате проблема понимания мирового развития ограничивается когнитивным аспектом категоризации центров этого развития, упрощения и согласования разных моделей в новой парадигме, "которая будет рассматривать более значительные события и давать лучшее понимание тенденций, чем другие парадигмы, оставаясь на том же уровне абстракции". Так в логике рассуждений автора возникает "полицивилизационная парадигма", которая рассматривает мир "в рамках семи или восьми цивилизаций" и обеспечивает, как он полагает, "довольно простую и ясную систему понимания мира и определения того, что важно и что не важно среди многочисленных конфликтов, предсказания будущего развития, а также дает ориентиры политикам" [Хантингтон, 2003, с. 39].

И все же можно усомниться в том, что рациональное объяснение преимуществ "полицивилизационной модели" представляет собой всего лишь теоретический ответ на проблемы понимания мира после холодной войны, что она сосредоточена исключительно на международных процессах как таковых. Между объективной реальностью этих процессов и концепцией множественного, "полицивилизационного" мира стоят глубинные ментальные образы, которые сложились у Хантингтона (как и у многих международных наблюдателей) после советско-афганской войны 1979–1989 гг., а также военной акции США в 1991 г. в Персидском заливе в ответ на захват Ираком Кувейта в 1990 г. и почти единодушной поддержки в ответ на эту акцию С. Хуссейна в мусульманском мире.

Образы раскола международного сообщества, сущностной противоположности Запада и арабского мира едва ли не перевешивают рациональные соображения и непосредственно включаются в анализ международных отношений. Живописуются "костры общинной идентичности и ненависти", транзит "от войн переходного периода к войнам по линиям культурных разломов", "родственные страны", "кровавые границы ислама", "динамика ненависти, сравнимая с динамикой безопасности" и т.п. Даже мировые цивилизации ассоциируются в книге Хантингтона с образом племенных делений: "...человеческие племена в предельной форме развития, столкновение цивилизаций суть племенной конфликт в глобальном масштабе" [Хантингтон, 2003, с. 396–492, 323].

В результате трудно избавиться от впечатления, что собственно научная (когнитивная) составляющая "полицивилизационной парадигмы" упорядочивает не столько эмпирическую действительность реального мирового развития, сколько ментальные образы ее создателя. Эти образы трансформируются в альтернативный возможный мир глобальных расколов и конфликтов. Идентификационная и коммуникативная составляющие мировосприятия – правила цивилизационной общности и сплочения каждой такой общности вокруг своего "стержневого государства" – не только сохраняют свое значение, но и фактически подчиняют себе собственно познавательную схему "полицивилизационного мира".

На фоне "альтернативного мира" Хантингтона становятся различимыми и ментальные основания других парадигм мирового развития. И эти основания не меньше, чем "полицивилизационная парадигма", строятся на образах возможных миров, по отношению к которым действительный мир – структуры международного сообщества, действующие в нем правила и ограничения – также становится лишь *одним из возможных*. На образе неконтролируемого насилия (игры без правил) строится парадигма всемирной анархии. Метафора "черная дыра", использованная З. Бжезинским для определения геополитической ситуации на постсоветском евразийском пространстве в самом начале 1990-х гг., хорошо передает смысл и масштабность этого образа [Бжезинский, 1999, с. 108]. Парадигма однополярности системы международных отношений устанавливает приоритет одного возможного мира, в котором достигается полная

универсализация западной либеральной демократии. Образ односторонних действий, битв за идеи и интересы уступает место образу мировой гармонии, ставящей под сомнение саму возможность Другого [Абулмагд, Ариспе, Ашрави, 2002, с. 109]. Парадигма полицентрического мира переносит в будущее образ "государствоцентрического" мира, неустойчивое равновесие которого поддерживается "силой против силы".

Еще важнее то, как все это разнообразие возможных миров глобальной политики, возникшее на рубеже XXI в., влияет на стратегические оценки, моделирование будущего мирового развития, возможные варианты принимаемых в этой связи стратегических решений. Осознание будущего как жестко детерминированных социальных и научно-технических изменений в мире уступает место сознанию *альтернативности настоящего* – наличия в нем не одного доминирующего, а нескольких потенциальных направлений развития, не одного – действительного, фиксированного, привилегированного, – а нескольких зачатков альтернативных будущих миров, вероятность реализации которых зависит от принимаемых решений и закладываемых в них идентификационных схем-образов.

В этих условиях меняются масштабы и значения глобального моделирования. На первый план выходит моделирование параметров будущего не только реального существующего мира, "узаконенного" в системе универсальных норм и представлений, но также (и прежде всего) миров возможных, виртуальных, зависящих от самоидентификации субъектов мировой политики. Набор альтернативных решений в сфере стратегического планирования мирового развития превращается в судьбоносный, полный рисков *выбор* того или иного мира будущего, той или иной *альтернативной картины* мирового развития. Моделирование мирового будущего соединяется с его проектированием.

Американская "карта глобального будущего" и образ России

Непосредственную связь ментальных образов (картины мира) с моделированием глобального будущего и оценкой стратегических рисков принимаемых решений можно обнаружить в последнем американском исследовании будущего мира.

В конце 2004 г. Национальный разведывательный совет США представил широкой публике доклад о перспективах глобального развития к 2020 г., названный "Карта глобального будущего". Он интересен не только определением тех стратегических угроз, с которыми, как полагают американские аналитики, могут столкнуться США в долгосрочном будущем, но и подходом к пониманию самого этого будущего, а также той роли, которую могут сыграть в его формировании те или иные стратегические решения руководства страны (http://www.cia.gov/nic/NiC_2020_project.html).

В докладе использованы результаты двух других общедоступных разработок Национального разведывательного совета, подготовленных в 1997 и 2000 гг. и посвященных, соответственно, глобальным трендам развития до 2010 и 2015 гг. Однако составители постарались сделать глобальным не только сам анализ мирового развития, но и положенные в его основу экспертные оценки и опросы. Была проведена серия конференций в Америке, Европе, Азии, Африке и Австралии, которые имели целью обобщить мнения иностранных экспертов о перспективах развития их регионов, учесть различные картины мира и место в них США в ближайшие 15 лет. Особое внимание было уделено основным тенденциям развития, которые могут оказать наибольшее влияние на положение мировых регионов и ключевых региональных держав. Оценки учитывали следующие глобальные изменения: глобальный демографический переход, состояние окружающей среды и общемировые потребности в природных ресурсах, перспективы научно-технологического развития, будущее глобальной экономики, национальное и транснациональное управление, динамику конфликтов, роль США в глобальной политике и экономике [Mapping... 2004, p. 1].

Ключевая базовая установка доклада строится на том, что глобализация как "растущая взаимосвязь расширяющихся мировых потоков информации, технологий, капиталов, товаров, услуг, миграций останется сводным мегатрендом, силой настолько вездесущей, что она будет определять, по существу, другие основные мировые тренды

в 2020 г." Будущее глобализации "останется нефиксированным", то есть достаточно неопределенным – "государства и негосударственные акторы, включая как частные компании, так и неправительственные организации будут продолжать борьбу за возможность формировать ее контуры"; "возможно также, хотя и кажется не слишком правдоподобным, что процесс глобализации замедлится или даже будет остановлен" [Mapping... 2004, p. 10]. Таким образом, будущее мыслится не как некое радикальное преобразование мира в духе утопического или дистопического мировосприятия, а как состязание – мирное или конфронтационное – различных его вариантов, результаты которого будут зависеть от качества действий (целей и ориентиров) ключевых международных игроков, прежде всего США.

Собственно сценарная часть доклада пытается дать представление о том, как будет выглядеть мир в 2020 г. в зависимости от тех или иных стратегических решений руководства США в сфере глобальной политики. Сценарии выделяют возможные альтернативные характеристики "Мира-2020" с помощью виртуальных образов неких событий, происходящих в 2020 г. в возможных мирах, как если бы каждый из них стал реальностью.

По сценарию 1 (*"Давосский мир"*) в результате геоэкономических противоречий глобализации финансовый центр мира окончательно перемещается в Азию, а экономический форум переносится из Давоса в Китай. По сценарию 2 (*"Американский мир"*) США сохраняют свое глобальное лидерство, благодаря восстановлению единства с Европой, укреплению мощи НАТО и превращению этой организации (после принятия в ЕС Турции) в фактор относительной стабильности на Ближнем Востоке. При этом развивается антиамериканизм бедных и развивающихся стран, а также соперничество США и Китая. По сценарию 3 (*"Новый халифат"*) в мировом сообществе возникает исламская транснациональная теократическая система при нарастающем конфликте между исламским миром с одной стороны, США, Европой, Россией и Китаем – с другой. По сценарию 4 (*"Спираль страха"*) в результате распространения оружия массового поражения мировая экономика приходит в состояние стагнации.

России в докладе не уделяется большого внимания. Ни в одном из сценариев она не входит в список мировых лидеров. Отмечается лишь, что "у России есть потенциал для повышения ее международной роли благодаря положению главного экспортера нефти и газа" [Mapping... 2004, p. 10]. Это оценка ясно указывает на место России в современной западной иерархии национальных имиджей, равно как на отношение к ней как к потенциальному инициатору глобальных альтернатив в моделировании будущего.

Нарисованная в докладе картина "Мира-2020" может показаться недостаточно целостной, ориентированной больше на создание эффектных образов будущих глобальных трансформаций, чем на всесторонний анализ их содержания и механизмов. Однако авторы исследования и не ставили перед собой такой задачи. "Карта глобального будущего" – не предсказание и не прогноз. Варианты будущего призваны лишь обозначить стратегические риски США, определить, какие угрозы ждут США, какую цену придется заплатить за нейтрализацию этих угроз, если руководство страны примет ту или иную стратегическую линию международной политики.

Каждая из выделенных в докладе стратегических угроз США включает в себя разнородные элементы и разные тенденции мирового развития. Однако распределение их по альтернативным *мирам* будущего невольно побуждает воспринимать и оценивать их не по отдельности, а в виде *целостной группы* элементов, пересекающихся линий поведения главных глобальных игроков. В итоге стратегический вес угроз (а определение его было одной из главных задач исследования) воспринимается через их *ментальный образ*, сводящий разнородные факторы и предпосылки, определяющие эти угрозы, в самоочевидное единое целое. Созданию ментальных образов предполагаемых угроз служат и метафоры, используемые для их обозначения: "Спираль страха", "Новый халифат"...

Полнее всего инструментарий ментальных карт используется в определении роли в потенциальных мирах будущего их главного действующего лица – США. Во всех вариантах США сохраняют значение центральной (доминирующей) фигуры глобальных

трансформаций, по отношению к которой новые ожидаемые глобальные игроки (Китай, Индия), не говоря уже о других государственных и негосударственных участниках глобализации, выполняют, скорее, роль фона – благоприятного или неблагоприятного, нейтрального или угрожающего доминирующему положению США как глобальной державы. Образ однополярного мира во главе с США на протяжении всего доклада представлен как целостная, статичная и априорная конструкция. Чисто ментальное содержание этого образа распространяется даже на представления авторов доклада о возможных колебаниях стратегического баланса выгод и потерь США от сохранения положения доминирующей глобальной державы. "Хотя ожидаемые вызовы будут достаточно пугающими, Соединенные Штаты удержат свои огромные преимущества, играя стержневую роль (*a pivotal role*) в отношении широкого спектра мировых проблем – экономических, технологических, политических и военных – без того чтобы какое-либо другое государство приобрело бы равный с ними вес к 2020 г." [Mapping... 2004, p. 17].

Оперирование ментальным образом Америки, лишенным, на первый взгляд, привычных свойств модели, конструкта, в действительности играет базовую роль в моделировании вариантов глобального будущего и связанных с ними угроз. Образ США как мирового лидера задает образец, ориентир, горизонт *самоидентификации* страны. С их помощью могут быть определены быстро и наглядно очевидные риски принятия тех или иных стратегических решений. Например, в случае отказа США от безусловного мирового лидерства, но при сохранении общих правил поведения глобальных игроков, мир ожидает развитие по сценарию "*Давосский мир*". При отказе США от роли мирового лидера, сопровождающемся крушением общих правил "глобальной игры", мир окажется вовлеченным в "*Спираль страха*". Сохранение мирового господства США, подкрепленное поддержкой Европейского союза, сделает реальным сценарий "*Американский мир*". Удар по лидерству США в случае победы в Европе антиамериканских сил, напротив, сделает более вероятным сценарий "*Новый халифат*". Важная для любых стратегических решений, идентификационная составляющая картины мира становится ключевым звеном определения стратегических рисков.

* * *

В России пока нет организаций, специализирующихся на стратегических исследованиях. Невостребованным остается и одно из ключевых направлений таких исследований – моделирование будущего⁵. Текущие проблемы решаются с оглядкой на прошлое или в расчете на продолжение настоящего, но не на будущее, которое воспринимается как неопределенное, находящееся за горизонтом актуальных решений и сегодняшней жизни. Между тем оптимальные варианты будущего глобального мира и глобальной политики конструируются уже сегодня, если принимаемые решения носят системный и стратегический характер, соотносят цели и задачи, ресурсы и ожидания общества с теми или иными осуществимыми вариантами глобального развития. При этом возрастает значение ментальных образов стран и групп стран, идентификационной, коммуникативной и когнитивной составляющих этих образов. Новая роль мен-

⁵ Важность и необходимость скорейшего развертывания таких исследований в России как части системы комплексного управления рисками отмечают авторы разработанной в Российской академии наук концепции научного мониторинга, прогноза и предупреждения кризисных ситуаций (Г. Малинецкий, И. Медведев, В. Маевский, В. Осипов и др.): «Россия вошла в ту фазу системного кризиса, когда негативные тенденции в экономической, социальной, техногенной сферах начинают приводить к новым типам катастроф, бедствий, нестабильностей... Рядовые "технические" решения могут повлечь длинную цепочку причин и следствий, приводящую к трагедиям и огромным потерям... Проблема организации научного мониторинга, стратегического управления рисками, прогноза и предупреждения кризисных явлений может стать сверхзадачей для всей Академии наук. По масштабу и важности для страны она сравнима с разработкой стратегических вооружений и космическими программами, от которых зависело будущее этих стран... Цели и ориентиры для общества всегда (а сейчас особенно) более важны, чем механизмы и системы управления» [Малинецкий, Медведев, Маевский, 2003, с. 579–580, 583].

тальных образов мира отражает как приближение мира глобальной политики и информации к сознанию (индивидуальной информационной среде) отдельного человека, так и повышение роли факторов культурной идентичности и социокультурных коммуникаций в формировании целей и задач внешней политики, в обосновании теоретических парадигм международных отношений.

Моделирование позиций России в мирах будущего становится не менее важной практической задачей, чем повышение ее рейтинга в системе международных сопоставлений. Однако это перспективное направление стратегических исследований вряд ли будет успешным без соотнесения перспектив России в разных моделях глобального будущего с ее ментальными образами, идентификационными концепциями и познавательными схемами этих образов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абулмагд А.К., Ариспе Л., Ашрави Х.* Преодолевая барьеры: диалог между цивилизациями. М., 2002.
- Арин О.А.* Мир без России. М., 2002.
- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
- Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 1999.
- Голд Дж.* Основы поведенческой географии. М., 1990.
- Егорова-Гантман Е., Плишаков К.* Концепция образа и стереотипа в международных отношениях // Мировая экономика и международные отношения. 1988. № 12.
- Ионов И.Н.* Идентификационная, коммуникативная и когнитивная составляющие цивилизационных представлений // История и современность. 2007. № 2.
- Кеохейн Р.О.* Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. М., 1999.
- Киселев И.Ю.* Образ государства в международных отношениях и социальное познание // Вопросы философии. 2003. № 5.
- Киселев И.Ю.* Политическая коммуникация на рубеже столетий. М., Ярославль, 2002.
- Лейбин В.М.* "Модели мира" и образ человека. Критический анализ идей "Римского клуба". М., 1982.
- Малинецкий Г.Г., Медведев И.Г., Маевский В.И.* Кризисы современной России и научный мониторинг // Вестник Российской академии наук. 2003. Т. 73. № 7.
- Носов Н.* Виртуальная психология. М., 2000.
- Павловский Ю.Н., Белотелое Н.В., Бродский Ю.И., Оленев Н.Н.* Опыт имитационного моделирования при анализе социально-экономических явлений. М., 2005.
- Политическая наука: новые направления.* М., 1999.
- Терин В.П.* Массовая коммуникация. Социокультурные аспекты политического воздействия. Исследование опыта Запада. М., 1998.
- Фаллачи О.* Ярость и гордость. М., 2004.
- Федулов С.В.* Неоткрытые земли сознания // Голд Дж. Основы поведенческой географии. М., 1990.
- Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.
- Goldstein J., Keohanne R.* Ideas and Foreign Policy: An Analytical Framework // Ideas and Foreign Policy: Beliefs, Institutions, and Political Change. Ithaca, 1993.
- Haas E.B.* When Knowledge is Power. Three Models of Change in International Organizations. Berkeley, 1990.
- Jönsson Ch.* Cognitive Factors in Explaining Regime Dynamics // Regime Theory and International Relations. Oxford, 1993.
- Mapping the Global Future.* Report of the National Intelligence Council's 2020 Project. Washington, 2004.
- Odell J.S.* U.S. International Monetary Policy. Princeton, 1982.
- Wendt A.* Social Theory of International Relations. Cambridge, 2000.